

Колесникова Ольга Владимировна

ФУНКЦИИ МОТИВА ТАЙНЫ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА ПРОШЛОГО В РОМАНЕ МАЙКЛА ФРЕЙНА "ШПИОНЫ"

В статье рассматривается поэтика мотива тайны в романе современного английского писателя Майкла Фрейна (р. 1993 г.) "Шпионы" (2002 г.). Анализируются различные функции мотива тайны в тексте и приемы его проявления. Подробно исследуется сюжетобразующая роль мотива. Обозначены особенности его функции в создании образа прошлого времени. В контексте проблематики романа выявляется смыслообразующий характер мотива тайны. Такой подход впервые осуществляется при анализе данного произведения в русском и зарубежном литературоведении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 104-107. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

Филологические науки

В статье рассматривается поэтика мотива тайны в романе современного английского писателя Майкла Фрейна (р. 1993 г.) «Шпионы» (2002 г.). Анализируются различные функции мотива тайны в тексте и приемы его проявления. Подробно исследуется сюжетообразующая роль мотива. Обозначены особенности его функции в создании образа прошлого времени. В контексте проблематики романа выявляется смыслообразующий характер мотива тайны. Такой подход впервые осуществляется при анализе данного произведения в русском и зарубежном литературоведении.

Ключевые слова и фразы: функции мотива тайны; умолчание; образ прошлого; современный английский роман; интерпретация прошлых событий.

Колесникова Ольга Владимировна*Московский педагогический государственный университет**OLVLKolesnikova@yandex.ru***ФУНКЦИИ МОТИВА ТАЙНЫ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА ПРОШЛОГО
В РОМАНЕ МАЙКЛА ФРЕЙНА «ШПИОНЫ»[©]**

Майкл Фрейн (Michael Frayn) – современный английский драматург, романист и переводчик, известен не только своими художественными произведениями: романами, такими как «Оловянные солдатики» (1965 г.), «Очень частная жизнь» (1968 г.), «Теперь тебе все известно» (1992 г.), «Одержимый» (1999 г.) и пьесами, ставящими в том числе и в России («Копенгаген», 1998 г., МХТ), главными действующими лицами которой стали выдающиеся физики XX столетия Хейзенберг и Бор, работающие над созданием атомной бомбы, – но и публицистическими работами («The Human Touch» (2006 г.)). Разноплановое творчество автора всегда посвящено вопросам судьбы человечества и сути самой человечности. Роман «Шпионы» (2002 г.), касающийся тех же тем, многопланов. Он может быть рассмотрен как приключенческая литература с сюжетообразующим вопросом, найдут ли мальчики подтверждение домыслам о том, что мать одного из них является шпионкой. Но роман представляет собой и гораздо более глубокое философское исследование ввиду присутствия в тексте размышлений о смысле истории, возможности ее интерпретации, наличия проблем природы памяти, ее пусковых механизмов, старения человека, восприятия одних и тех же событий с точки зрения ребенка и взрослого. В то же время роман прочитывается и в качестве исторического текста. В основе его содержания лежит историческая тематика. Герой-повествователь – 60-летний Стивен из Англии «возвращается» в лондонское предместье начала 1940-х гг., где он с другом играет в войну. Вообразив, что мать одного из них – немецкая шпионка, они начинают следить за каждым ее шагом, интерпретируя ее поступки с точки зрения собственных авантюрно-мальчишеских измышлений. Невинная детская игра неожиданно приводит к зловещему финалу, и история, связанная с исчезновением дяди, который считался в семье героем, «благодаря» расследованию детей приобретает трагически-бесславный оттенок. Не упущена в этом романе и еврейская тема. Эту историю вспоминает Стивен почти через 60 лет, заново интерпретируя произошедшие события, рассматривая ту же историю под другим углом зрения. Важно отметить, что в основу романа М. Фрейн кладет реальный факт своего исторического прошлого. Во-первых, сам автор во времена Второй мировой войны был того же возраста, что и герои его произведения. Во-вторых, как заявляет Фрейн в одном из своих интервью, в детстве у него был хороший друг, который был доминирующей личностью. Он был лидером во всех играх: *«If we were playing cowboys and Indians, he was the chief cowboy, and if we were playing something with policemen he was the chief constable. It was fair, because he always invented the games, he had the imagination and I didn't have any imagination at all as a child. So he was always thinking up new fantasies that we became part of, and he took the leading role. As I thought about this I remembered that at some point — and this would be in the middle of the Second World War — he said to me out of the blue. My mother is a German spy. I didn't say, I don't believe you, I don't think she is a German spy, have you got any evidence for it? I thought it was an exciting idea, and I believe we followed her around for a couple of hours; she didn't try to break into an ammunition factory or get in touch with the German High Command though, so we got bored and gave up»* [3]. / «Если играли ковбоев и индейцев, он был главным ковбоем, и если мы играли в игру с полицейскими, он был начальником полиции. Это было справедливо, потому что он всегда придумывал игры, у него было воображение, а у меня, когда я был ребенком, не было воображения вообще. Как-то посреди Второй мировой войны он сказал мне внезапно: «Моя мать – немецкий шпион». Я не говорил, что не верю ему, что не думаю, что она – немецкий шпион, есть ли какие-то доказательства? Я думал, что это была захватывающая идея, и я полагаю, что мы следовали за нею повсюду в течение нескольких часов; она не пыталась ворваться в завод по производству боеприпасов или вступить в контакт с немецким Верховным командованием, поэтому мы заскучали и сдались» (*здесь перевод автора – О. К.*). Весь последующий сюжет романа является вымыслом. Таким образом, в основу произведения М. Фрейн кладет развлекательно-детективный сюжет, за которым прячутся философские размышления о смысле истории, о возможности ее познания и интерпретации, о связности и цикличности времени, о возможности познания «закоулков памяти» человека. Целью данной статьи является рассмотрение функции мотива тайны в создании образа прошедшего времени романа.

Обращение писателей к тематике ненадежности памяти и ее связи со временем не ново для английской литературы. Джулиан Барнс так пишет о своей книге «Предчувствие конца»: «Я хотел написать книгу о времени и памяти, о том, что время делает с памятью. Также о том, что память делает со временем. И о том, что в определенный момент вы понимаете, что ошибались в чем-то главном. Когда вы стареете, у вас накапливаются воспоминания о вашей жизни. Но не все определено. Ведь прошло 20 или 30 лет, и вы понимаете, что многое из случившегося неверно» [1]. В романе рассказывается о том, что герой чего-то не знает и не может сказать, чего именно. Подобную картину видим и в произведении М. Фрейна «Шпионы».

Повествователь вводит временной план прошлого описанием обычных домов Лондона того времени, где каждый «был на особинку и, так же как его обитатели, ничуть не походил на соседей. За изгородью из роз, жимолости, лип или будлеи каждый дом скрывал в себе какую-то тайну» [2, с. 5]. Все было скрыто.

Тайна охватывает описание всего, что связано с детством героя. Отсылки к загадочности активно присутствуют в языке текста романа. Неизвестность, непонятность, недосказанность находим и в описании семьи самого Стивена Уитли, и в описания ее жилища. Это дом, от которого «исходит еле ощутимая неловкость», с серой растрескавшейся в подтеках штукатуркой. Сквозь тяжелые каменные плиты пробиваются «призраки маленькой плешивой лужайки и разномастных кустов неизвестного происхождения». «Постыдное зрелище», как говорит о своем доме Стивен, усугублялось еще и вынужденным соседством с домом номер три, который имел еще худший вид: «В саду у Стибринов высилась гора старой, никому не нужной, покоровившейся под дождями мебели и деревянных и металлических обрезков» [Там же, с. 39]. Обитатели Тупика смотрели на Стибринов с пренебрежением, даже с большим, чем на Уитли, а из-за соседства домов последние тоже падали в глазах местного общества вместе с семейством Стибрин.

Семья Уитли не совсем походит на остальных. Она «not quite right», отмечает повествователь. Об отце Стивена известно только то, что целыми днями, а иногда и вечерами он пропадал в конторе, занимавшейся надзором за качеством строительных материалов; работа, как полагает Стивен, «до того скучная, что и рассказать о ней было нечего» [Там же, с. 42]. Однажды отец на год уехал по делам на север, и про его командировку никто ни разу даже не обмолвился, «да и само его отсутствие не бросалось в глаза» [Там же]. Говорил он очень мало, но особенностью его речи являлось употребление «диковинных словечек», таких как «кудл-мудл» и «шник-шнак», непонятных для мальчика. Часто вечерами к отцу приходят неизвестные люди, которые долго обсуждают что-то на неизвестном языке в его кабинете. Впоследствии язык оказывается немецким, а отец Стивена был немцем и занимался экономической разведкой, правда в пользу Англии. Таким образом, помимо присутствия слов, выражающих чувство стеснения мальчика, дом и семья Стивена имеют «смущающее личное» («embarrassing private») описание.

Контрастом по отношению к семье и дому Стивена становится описание жизни семьи особенного мальчика Кита. Деревянные оконные рамы, щипцы на крыше и двери гаража безупречно белоснежны. Среди розовых клумб «с геометрически четкими кромками» вьется красная кирпичная дорожка. Быт семьи кажется во многом совершенным. В его описании явно присутствуют восхищенные отзывы Стивена. Это и детская, где «нет бестолковых братьев или сестер, которые только путаются под ногами и устраивают кавардак», все игрушки принадлежат только Кита, они четко разложены по своим местам; это и автомобиль: «На кузове ни пятнышка, двигатель в отличном состоянии и полной готовности к окончанию войны» [Там же, с. 32-33]; и особенные чаепития: «Во рту сразу возникает вкус шоколадной пасты, намазанной на толстый кусок хлеба. Под кончиками пальцев я (Стивен) и сейчас явственно чувствую ромбики, выгравированные на поверхности стаканов, наполненных ячменным отваром с лимоном» [Там же, с. 45]. Отец Кита без конца что-то вскапывает, удобряет, подстригает и подрезает, вечно что-то грунтует и красит, прокладывает или меняет проводку, «доводя и без того безукоризненно сделанное до полного совершенства» [Там же, с. 31-32]. Даже куры ведут на задах огорода «безупречно элегантный образ жизни». «Хейуарды были людьми во всех отношениях безупречными» [Там же, с. 35], – резюмирует Стивен. Мальчик остро сознает и неоднократно отмечает, что ему немыслимо повезло: он дружит с Китом, а родители друга в его глазах «вырастают до героев какого-нибудь древнего эпоса» [Там же].

Несмотря на внешнее совершенство всего уклада семьи Хейуардов, в тексте есть намеки на скрытость и тайну, которая живет в этой семье. Белое изящество забора, двора, жилища Хейуардов контрастирует с описанием первого появления Кита «из темной глубины дома» («framed in the darkness of the house beyond»). На штанах у самого мистера Хейуарда висит штык, который «угрожающе подпрыгивая» [Там же], болтается («bayonet bounces chilingly»), когда тот в форме бойца местной обороны уходит из дому, в его секретном прикроватном ящичке хранится револьвер. А у миссис Хейуард почему-то в разгар лета есть привычка кутать шею в шарф.

Таинственны не только семьи Хейуардов и Уитли. Соседний с домом Кита «Тревенник» имеет готический вид, никто не знает, что за люди там живут, приходят и уходят они в ночной непроглядной тьме, а при свете дня никогда не раздвигают маскировочных штор. Лица у них смуглые, одежда черная. Это «таинственный (выделено автором – О. К.) дом <...>, где светомаскировочные шторы не раздвигаются никогда», «его угрюмая замкнутость даже обладает зловещей притягательностью», сад «за холодным частоколом из темных северо-восточных елей пребывает в полном запустении», здесь обитает «злокозненная (выделено автором – О. К.) организация, наверняка замешанная во всех мыслимых заговорах и жульнических операциях» [Там же, с. 24].

Другой адрес «закоулков памяти» повествователя – «Бреймар», развалины, которые остались после бомбежки дома, где жила и погибла мисс Даррант; «наша Аркадия, наша Атлантида, наш райский сад, ничейная территория» [Там же, с. 49]. В описании полюбившегося мальчиком места снова присутствует мотив тайны и скрытности. Хозяйка тщательно следила за высокой, аккуратнейшим образом подстригавшейся живой

изгородью и «свято хранившей от посторонних глаз ее личную жизнь» [Там же]. Именно в этом месте, где Стивен-ребенок провел так много времени, Стивен-повествователь находит источник манившего его в прошлое запаха, того «вульгарного запаха, который будет преследовать его долгие годы» [Там же]. Вот оно другое «тайное королевство». Здесь происходят все ключевые моменты повествования: шпионаж, клятва на крови о неразглашении тайны, встреча с матерью Кита, «измена» с Барбарой Берилл, встреча с отцом Кита, сомнения и размышления мальчика о происходящих событиях, интерпретация своих и чужих поступков. Все сопровождается и подкрепляется запахом этого кустарника.

В английском тексте и его переводе на русский язык фигурируют различные названия растений. В русском тексте – это бузина, или баз. В английском – бирючина. Переводчик стоит перед проблемой введения названия растения в составляемую мальчиками надпись перед организованным ими укрытием. Бирючина – *privet*, созвучно с английским словом «private» – личный, частный: «With the red end he neatly prints a single word on the tile, and wedges it in the fork of a bush at the entrance to the passageway. PRIVET, it says» [4, p. 57]. / «Красным концом аккуратно выводит на плитке печатными буквами три слова и втискивает плитку в развилку ветвей над зеленым тоннельчиком: –БАЗ. ФХОД ВАСПРИЩЕН» [2, с. 92]. Ошибка, допущенная Китом в написании наименования штаба новой, «куда более серьезной операции», изменяет значение названия растения. Мать Кита, узнавшая об игре сыщиков, сначала неверно понимает смысл названия «штаба»: «Молодцы, ребята, поставили табличку. <...> Летом он пахнет очень неприятно, <...> Зато под ним можно устроить замечательное укрытие!» – заявляет женщина, полагая, что речь идет о кустах, в ветвях которых располагается тайник [Там же, с. 170]. Тем более сильное воздействие оказывает ее попытка объяснить мальчику значение личного пространства каждого человека: «Есть на свете дела, которыми люди предпочитают заниматься не на виду, – продолжает она. – Вот как вы с Китом. И, как правило, им не хочется, чтобы об этих вещах судачили все, кому не лень» [Там же, с. 174]. Мисс Хейуард поднимает вопрос личного пространства и проблему невозможности его адекватного познания, истинной интерпретации с точки зрения другого человека.

Бирючина является типичным растением, которое в пригородах Англии XX века выполняло роль живой изгороди. Она присутствует в описании рассказчиком истории возникновения Тупика: «А тогда, с прицелом на прекрасное будущее, вокруг маленького деревянного полустанка проложили несколько ухабистых дорог; жители окрестных сел, пробавлявшиеся разными случайными строительными подрядами, купили здесь участки земли и на грубый деревенский лад соорудили себе из необожженного кирпича и деревянных балок по дому своей мечты. В выходные на полустанке высадились на денек несколько юных парочек, огляделись... внесли задаток... Потом заказали мебель для трех комнат и посадили саженцы бирючины и черной бузины <...> Взались и за грязные грунтовые дороги: провели дренажные работы, залили полотно гудроном и насыпали слои гравия. Теперь жены, отправляясь за покупками, могли спокойно брать с собой детей в колясках на высоких рессорах, не опасаясь разбудить малышей на первом же ухабе, а мужья могли ходить по утрам на станцию и вечером обратно домой, не замочив ног и не запачкав хороших башмаков. Живая зеленая изгородь (выделено автором – О. К.), которая росла вместе со Стивеном и была едва ли старше его брата Джеффа, смягчала зрелище развороченной земли и голых кирпичных стен на строительных участках» [Там же, с. 133-134].

Пригород тупика – «Закоулки» – «внезапная новая колония», место, неизвестное для мальчиков и так привлекающее их внимание, летом почти тонет в густой тени старых корявых деревьев и «в обрамлявшей дорожку густой зелени живых изгородей» [Там же, с. 200]. Стивен воскрещает и «Коттеджи» – «приземистые развалюхи, едва видные за буйной растительностью, вымахавшей вокруг разбросанных по участкам поломанных детских колясок и ржавых банок из-под краски. <...> В нос шибает противный, отдающий кошками запах бузины, разросшейся у заброшенной фермы» [Там же, с. 138]. Наложённые на более ранние образцы жизни «Закоулки» манят мальчиков неизвестностью частной жизни их обитателей. Изредка решаясь опять пробраться в этот «непонятный мир», Стивен и Кит воспринимают свое путешествие как опасное приключение, в котором не раз и не два приходится доказывать свою храбрость. Здесь они находят еще одно «privet». «All either end of the Cottages is densely cultivated vegetable patch, and at the bottom of each vegetable patch a little tumbledown shed: the privet» [4, p. 127]. / «По обе стороны каждого «коттеджа» – по тщательно возделанному и засаженному огороду, а за ним непременно торчит маленькая покосившаяся будка: –баз» [2, с. 202-203].

Бирючина является не только признаком благоустроенного хозяйства, но и тайником прошлой, уже исчезнувшей жизни. Мальчики играют среди кирпичных фундаментов и сплюснутых листов рельефного железа, того, что осталось от давным-давно развалившихся ферм, «но и эти последние их следы начинают исчезать под дружной порослью бузины и россыпью битых эмалированных тазов с продавленными днищами» [Там же, с. 206]. Как откроется позже, теперь эти заросли скрывают тайну семьи Уитли.

Таким образом, неизвестный куст с вульгарным сильным запахом в разгар лета является не только приметой обычая жителей Англии XX века облагораживать свои участки. В романе бирючина (в английском тексте) или бузина (в переводе на русский язык) становится эмблемой частного образа жизни с большим количеством скрытой информации, недоступной ни для кого.

Даже описания, не имеющие, казалось бы, прямого отношения к главной тайне, придуманной мальчиками для своей игры, включают моменты, вызывающие чувство беспокойства и ощущение недосказанности, неопределенности у читателя. Так, парадная дверь Уитли «покороблена». Ворота гнилые. Кусты «promiscuous muddle».

Все, что окружает Стивена, описано как непонятное, скрывающее неизвестность или тайну. Один из местных мальчиков – Эдди – «странный какой-то: вечно путается под ногами, лыбится, пуская слюни, и все норовит тебя потрогать» [Там же, с. 17] («hanging around, drolling and grinning and trying to touch you»).

Бледные дети Хардиментов в мрачных комнатах упражняются на фортепиано. Барбара Берилл была «хитрой и коварной» («sly and treacherous»). Пинчеры были «нежелательными», что их и связывало с Уитли.

Мрак, лукавство, тайна, шпионаж – неоднократно повторяющиеся образы. Существует бесконечная темнота одного дома и темнота за входной дверью другого. Существует дезорганизирующее чувство неопределенности, ощущение потерянности и запутанности. Все эти чувства открываются при погружении героем в прошлое, в «закоулки памяти» («Memory Lane»). С одной стороны, можно сказать, что мотив тайны, неизвестности в языке текста, возникающий при описании всего того, что окружает Стивена-ребенка, связан с детским восприятием мальчика, для которого все то, что относится к нему самому, его дому, семье, не имеет особого интереса. А все, что выходит за пределы, является интригующим, захватывающим и непонятным и будоражит детскую фантазию. С другой стороны, Стивен-старший также оказывается в ситуации неизвестности: «И тут окружающая меня атмосфера заметно меняется; – говорит Стивен, – прошлое словно бы мистически материализуется прямо из воздуха» [Там же, с. 13]. / «I became aware of the atmosphere changing around me <...> as if the past were somehow materializing out of the air itself» [4, p. 10]; и позже: «...тупик преобразуется у меня на глазах» [2, с. 13]. / «The whole appearance of the Close shifts in front of my eyes» [4, p. 11]. Ощущение тайны, связанное с повествователем, в этом случае передает движение и плавное перетекание времени из настоящего в прошлое и наоборот. Повествователь описывает свое детское ощущение «потерянности в неопределенной мечте» («a vague daydream»). Он упоминает скрытые связи между личной историей и тем, что предстает перед его глазами в данный момент, повторяя слова и идеи: вещи – скрытые, секретные, частные, личные. Люди и организации – зловещие, неизвестные. Слова и имена – странные, эксцентричные, непонятные.

Возникает постоянное ощущение поиска ответа на вопросы разного уровня. Есть вопросы, которые задают мальчики, во время своей игры: «Является ли мать Кита немецкой шпионкой?», «Что значит икс в ее записной книжке?», «Кому и почему она так часто отправляет письма?» и др. Эти вопросы связаны с настоящим для мальчика временем.

Есть вопросы, которые задает Стивен-повествователь самому себе: «Что это за запах?», «Но что все-таки такое парит в летнем воздухе, тревожа душу, навеивая страх? Если бы я только знал...». Эти вопросы относятся к настоящему времени взрослого Стивена. Автор сознательно оставляет читателя, задающегося вопросом о знаках, действиях, аспектах «заговора», создавая тем самым интригу романа.

Вопросы, которые задает читатель, связаны с прошлым. «Почему мать Стивена часто тревожна?», «Почему никто, кроме Стивена, не посещает Хейуардов?», «Почему мистер Уитли говорил на неизвестном языке?», «Почему дочь повествователя говорила на английском языке, и это вызывало у него удивление?» Стивен-повествователь – пожилой человек – пытается припомнить, понять и достигнуть соглашения с самим собой через погружение в некоторые события своего детства, которое он долго забывал. Но о них забыли из-за времени, которое прошло? Или потому что память старика ненадежна? Или потому что есть некоторые вещи, о которых лучше всего забыть? В финале автор заставляет задуматься над тем, узнает ли повзрослевший Стивен то, что стремился узнать, приехав в Лондон? Не лучше было бы, если бы все оставалось скрытым?

Таким образом, с одной стороны, мотив тайны выполняет сюжетобразующую функцию в романе, привлекая внимание читателя и создавая у него чувство недосказанности и беспокойства, желание поиска ответов на вопросы. С другой стороны, этот мотив имеет важное смыслообразующее значение. Неизвестность пронизывает и прошлое героя, и его настоящее. М. Фрейн дает понять, что, с его точки зрения, попытка проникнуть в прошлое, в свою собственную жизнь, понять причины и интенции своих поступков, так же тщетна, как надежда на верную интерпретацию частной жизни другого человека, схороненной за оградой из бирючины.

Список литературы

1. **Залесова-Докторова Л.** *Booker* 2011. Предчувствие конца [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2012/2/115.html> (дата обращения: 15.08.2014).
2. **Фрейн М.** *Шпионы* / пер. с англ. И. Стамм. М.: Росмэн-Пресс, 2003. 320 с.
3. **Coyle N.** *Inside the Privet Hedge*. Bethany House, 2006.
4. **Frayn M.** *Spies*. London, 2003. 272 p.

FUNCTIONS OF MYSTERY MOTIF IN CREATING IMAGE OF THE PAST IN THE NOVEL “SPIES” BY FRAYN MICHAEL

Kolesnikova Olga Vladimirovna
Moscow State Pedagogical University
OLVKolesnikova@yandex.ru

The article considers the poetics of mystery motif in the novel “Spies” (2002) by the modern English writer Frayn Michael (1993). The various functions of mystery motif and the techniques of its manifestation are analyzed in the text. The plot-formative role of the motif is studied in detail. The features of its functions in the creation of the image of the past are emphasized. The sense-formative nature of the motif is revealed in the context of the novel problematics. This approach is first carried out in the analysis of the work in the Russian and foreign literary criticism.

Key words and phrases: functions of mystery motif; preterition; image of the past; modern English novel; interpretation of past events.